

КАПРИЗЫ И СТРАННОСТИ СУДЬБЫ

ОЛЕГ РОЙ

Запасной козырь

Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя

Олег Рой

Запасной козырь

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рой О. Ю.

Запасной козырь / О. Ю. Рой — «Эксмо», 2019 — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя)

ISBN 978-5-04-184752-4

Олег Рой — популярный писатель, сценарист и продюсер. Его книги читают по всему миру люди разных поколений, ведь автор умеет подобрать свой ключ к сердцу каждого. Секрет его успеха — в динамичных сюжетах, полных неожиданных поворотов, в глубоком психологизме и в верности следования вечным ценностям. Книги Олега Роя — это гид по лабиринту изменчивой судьбы. Когда ты еще очень юн, кажется, что любые вершины тебе по плечу и ничего не страшно. Так было и с Борисом, пока он не попал в бойцовский клуб, и тут началась совершенно иная жизнь. История, полная опасностей и приключений, со спецслужбами и террористами, любовным треугольником и счастливым финалом.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184752-4

© Рой О. Ю., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Олег Рой

Запасной козырь

© Резепкин О., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Памяти моего сына Женечки посвящается.

– Грузите в машину. Сейчас ему дядя доктор укольчик сделает, и он сам все расскажет, только успевай слушать. Видали мы таких, упертых...

Двое бойцов подхватили его под мышки и поставили на ноги. Ноги подгибались, скованные за спиной руки согнулись кольцом, тело безвольным мешком повисло на подхвативших его руках.

– Ну чего? За руки, за ноги? – Третий боец подошел спереди.

Тело, только что болтавшееся безжизненной тряпкой, вдруг развернулось, словно стальная пружина. Он оттолкнулся ногами от земли, прогнулся назад... что-то хрустнуло – то ли локоть, то ли плечо... вывернувшись немыслимым штопором, почти перевернувшись вниз головой, он зубами дотянулся до висевшей на поясе бойца гранаты... короткий щелчок...

Казалось, граната падает очень медленно – поворачивается, касается земли, взметнув небольшой фонтанчик пыли... через мгновение – нет, через четверть мгновения – рядом приземлилась выдернутая чека...

Глава 1

Дожевывая бутерброд, Борис разглядывал содержимое спортивной сумки. Вроде ничего не забыл, можно идти. Щелкнул замок, входная дверь начала открываться – и уперлась в черный сумочный бок.

– Эй, люди, – донеслось из коридора, – дайте воды напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде.

– Что-то ты сегодня рано, – буркнул Борис, распахивая дверь. – Все шедевры уже нарисовал?

– Не, немножко на потом оставил, – ухмыльнулся Глеб и кивнул на сумку. – На тренировку?

– Надеюсь, что нет, – промычал Борис неразборчиво, дожевывая остатки бутерброда.

– Не понял... – Глеб картинно поднял брови, изображая изумление. – Куда ты еще с этой бандурой, – он слегка подтолкнул сумку, – можешь намылиться?

На мгновение зеркало отразило их обоих – похожих, что называется, как две капли воды, но все-таки чем-то неувлимо различных.

Глаза готового к схватке бойца и глаза готового к работе художника одинаково зорки и сосредоточенны, но тени в глубине их – разные.

– Да есть одна тема... – плюхнувшись на пол, Борис принялся шнуровать кроссовки. – Клык обещал меня сегодня в настоящий бой выпустить. Если не подведет...

– Что еще за Клык? Почему не знаю? Ну-ка колись, брателло, – Глеб подмигнул.

– Ну... тренировки тренировками, про это все знают. Но там есть реальный бойцовский клуб. Ясен пень, я тебе ничего не говорил, угу?

– Могила, – ухмыльнулся Глеб. – А Клык главный, что ли? Странная кличка.

– Ну типа менеджера. Не самый главный, но за всем следит. Черт его знает, почему Клык – то ли укусил кого-то, то ли с зубами что-то не то. Ну вот Клык обещал меня сегодня в настоящий бой пустить. Если главный их разрешит. Такие дела! – одним стремительным движением поднявшись с пола, Глеб перебросил через плечо ремень сумки. – Так что можешь сходить в церковь и помолиться за своего братца. Стать настоящим бойцом – вроде как второй день рождения. Шутка! – Он подмигнул.

– Может, лучше помолиться, чтоб тебя там не прибили? – задумчиво проговорил Глеб и прислонился к двери, перекрывая выход. – Ты как, хорошо подумал? Тебе оно надо?

– Ты чего, братан, испугался за меня, что ли? Не смей мои тапки! Я их всех на раз сделаю. Ты же меня видел на ринге, все говорят – ураган. Нет?

Но Глеб продолжал стоять возле двери, не давая брату выйти:

– Одно дело на ринге... Правила, рефери, секунданты, все дела. И то всякое бывает. А ты говоришь – бойцовский клуб. Это же бои без правил, так? Я про такие слыхал... Могут и убить... И очень запросто...

– Прочь с дороги, куриные ноги! – Борис обхватил брата, приподнял и легкой подсечкой усадил на пол. Очень осторожно усадил, как стеклянного. – Ну не куксись ты так. Ничего со мной не будет. Я крутой, но не тупой.

Не поднимаясь, Глеб уперся в дверь вытянутой ногой:

– Тогда я с тобой пойду.

– Вот еще новости! За каким лешим? Ты ж у нас художник, товарищ нежный, чувствительный. А там кровища, зубы летают, уши трещат, ну и мать-перемать, не без того, – засмеявшись, Борис взъерошил брату волосы.

Отпихнув его руку, Глеб сердито буркнул:

– Нежный, говоришь... – но тут же усмехнулся. – Кто-то же должен будет твое бездыханное тело в морг оттащить. Ну или в больничку, если повезет. – Он поднялся. – Не, я серьезно. Давай, я с тобой схожу. Посижу в уголке, порисую... пока тебе ребра будут пересчитывать. Мне правда так спокойнее. Ну и тебе хоть один болельщик. Или, – он вытащил мобильник, покрутил его у брата перед носом, – предкам настучу.

Борис захохотал:

– Ба, шантаж?! Неужели прям так-таки и настучишь?

– Прям так-таки и настучу, – повторил Глеб, снова помахав мобильником. – Клянусь... твоим здоровьем клянусь.

– Хм. Верю... Ладно, сдаюсь. – Борис махнул рукой. Пошли. Только если Клык тебя не пустит, я не виноват.

– Заметано, – улыбнулся Глеб. – Погодь две секунды, бутерброды прихвачу.

Борис засмеялся:

– Если ты про те, что от завтрака оставались, то я их уже схомячил, а новые некогда варганить, – приобняв брата за плечи, он потянул его к двери. – Время поджидает. Погнали уже, по дороге тебе чего-нибудь пожевать купим.

– Ну ты гад прожорливый! Самого близкого человека голодным оставил! Борис – повелитель дохлых крыс!

– Самый близкий у меня человек – это я сам, – ухмыльнулся тот. – Добудем тебе что-нибудь, не переживай. Глебушка-Глебушка, на тебе хлебушка!

Пихаясь локтями и обмениваясь привычными подколками, близнецы вышли из подъезда. По нагретому асфальту, в клубах тополиного пуха неуклюже топтались толстые ленивые голуби. Взлетели на мгновение, встревоженные приближением рычащего монстра с длинными водяными «усами», и снова опустились неподалеку.

Прозрачные водяные веера, расходившиеся от поливальной машины, вспыхнули на солнце двумя радугами. Братья переглянулись и, подпрыгивая и хохоча, пробежали сквозь сверкающую водяную завесу.

– Вот же балбесы! – сидевшая у подъезда остроносая, похожая на лисичку бабулька в белом платочке немного подвинулась – одна из водяных радуг обрызгала край лавочки – и погрозила сморщенным кулачком водителю поливалки.

Голову сидевшей рядом приятельницы – чуть помоложе и раза в два пышнее – украшала копна кудрей, выбеленных перекисью так, что они казались париком.

– Балбесы, – согласилась она. – Ну так молодые еще, кровь-то играет. А мальчишки хорошие. Хотя кто Борька, а кто Глебка, я так за семнадцать лет различать и не научилась. Или шестнадцать? Что-то я со счета сбилась...

– Почитай, все восемнадцать, – уточнила «лисичка». – Школу-то как раз окончили. А различить их разве что только мать родная может, даже отец, говорят, путает. Близняшки-чебурашки! Но хорошие, это ты правду сказала. Как в магазин кто из них идет, завсегда спросит: я, дескать, в магазин, не надо ли и вам чего. Хорошо их воспитали.

– Вот и я про то же, – закивала кудрявая. – А то на многих нынешних посмотришь – ужас, что такое.

Из соседнего подъезда появился сантехник Самсоныч. Как и положено человеку, сознающему собственную незаменимость, он, как всегда в середине дня, был под хмельком и потому пребывал в благодушно-философском настроении. Услышав последнюю фразу, он поглядел вслед удалявшимся близнецам, поскреб колючий от трехдневной щетины подбородок и изрек:

– Придет война – герои будут!

Для выражения мыслей Самсоныч предпочитал фразы в духе «народная мудрость».

Старушки хором на него зашикали, даже перекрестились одновременно:

– Типун тебе на язык! – возмутилась кудрявая. – Война, скажешь тоже! Мало наших отцов да братьев в землю сырую легло? Иди хоть пива выпей, может, чего повеселее в голову придет.

– И-и... – протянул Самсоныч. – Это еще неизвестно, что повеселее, да кому больше повезло. Отцы, деды да братья понятно за что полегли. За родину-мать. А близняшки эти за что нынче воевать станут? За место под солнцем, вот! – Он покачал заскорузлым пальцем. – Только все места давно позаняты. Свободными нынче только под забором места остались, в канаве с мусором. Чтоб под солнцем жить, надобно кому-нибудь глотку перегрызть, а то и не одну. Капитализм! – Он опять назидательно покачал коричневым от въевшейся грязи пальцем. – Все как завещал великий карла Маркс! – И Самсоныч неожиданно захохотал, представив себе Маркса лилипутом в цирковом костюме.

Близнецы же тем временем, добежав уже до ближайшего «Макдоналдса», купили жареной картошки и двинулись дальше. И уж конечно никакие беспокойные мысли – что там судьба готовит? – их не тревожили. Чего беспокоиться? Жизнь прекрасна и удивительна. Позади выпускные экзамены, впереди – выпускной вечер. Потом, может, повезет в какой-нибудь университет поступить, а если не повезет, можно и в армию сходить, чего бояться двум таким богатырям. Вон как девчонки на кассах в «Макдоналдсе», едва завидев их, принялись челочки поправлять, глазками постреливать да между собой перемигиваться. Эх, девчонки, держите юбочки, как говорил какой-то поэт! Жизнь только начинается, а впереди – ух, что там впереди! – светлый горизонт, успехи и вообще красота!

Глава 2

Клык уже ждал у входа, покуривал, лениво прислонившись к стене. Но едва завидел братьев, даже сигарету выронил:

– Стоп, ребята! Что-то у меня сегодня в глазах двоится, – усмехнулся он, движением руки останавливая приближающихся парней. Те, переглянувшись, засмеялись. Дело привычное: каждый, кто впервые видел их вместе, приходил в легкое замешательство. – Подождите! – прищурился Клык. – Молчите! Оба. Я должен сам догадаться, кто из вас мой боец, – медленным, цепким взглядом он обвел обоих. – Ха! Элементарно, Ватсон! Вот ты, в кроссовках, Борис. Попал?

Братья синхронно кивнули.

– Значит, брата привел? Неужели тоже к нам хочет? – Клык переводил взгляд с одного на другого. – Да нет, что-то не похоже. Сдается мне, не шибко ему у нас тут нравится.

– Это Глеб. – Борис хлопнул брата по спине. – Он так, за компанию, увязался. Если не помешает, конечно. Художник он у меня. Порисовать хочет. С натуры вроде как.

– Ну натура у нас тут богатая, – ухмыльнулся Клык. – Пусть рисует. Места всем хватит. Сам-то как? – переведя взгляд на Бориса, он опять прищурился, словно отыскивал какие-то только ему самому ведомые признаки: в форме боец или не очень.

– Я-то всегда готов! – отрапортовал Борис. – А ты? Договорился? Ну насчет меня? Я буду сегодня драться? – глаза его вспыхнули азартным блеском, он даже ногой притопнул и сумкой взмахнул, точно под облака ее забросить собирался.

Клык укоризненно покачал головой:

– Спокойно, спокойно. Совсем не обязательно орать о наших делах на всю улицу... Нет, я пока не разговаривал... да не прыгай ты, как уж на сковородке. Сперва надо было на тебя взглянуть, мало ли. Мог ведь и передумать, или знаешь, как бывает? На словах человек готов, а поглядишь – и ясно, что все мысли только про то, чтобы сбежать подальше. Какой из такого боец? Но ты, смотрю, действительно готов. Теперь можно и с начальством переговорить, раз ты меня не подведешь. Заходите, ребяташки!

Борис было направился к знакомой двери под табличкой «Спортивный клуб «Дружба»», но Клык придержал его за плечо:

– Нет, Боря, нам не сюда. Двери в настоящую мужскую жизнь – они, знаешь, без вывески.

Мотнув головой, он шагнул к неприметной двери неподалеку – железной, в струпьях облупившейся краски и ржавых потеках. Возле нее дежурил здоровяк в тренировочном костюме. На бритой голове резко выделялись многочисленные шрамы, из-под фуфайки виднелась часть татуировки – обвивающий мускулистую шею парня хвост не то змеи, не то дракона.

– Это со мной, – бросил Клык, едва замедлив шаг.

Неожиданно проворно для своей комплекции и кажущейся флегматичности здоровяк повернулся, замок щелкнул, и ржавая дверь распахнулась – мягко, без ожидаемого лязга, почти беззвучно. Облицованный розовато-серым мрамором недлинный коридор казался просторнее из-за зеркального потолка, в котором отражались вмонтированные в пол светильники. Коридор упирался в еще одну дверь – явно бронированную. Клык провел по электронному замку извлеченной из кармана картой, дверь коротко пискнула и уехала в стену.

Стал слышен отдаленный шум: возгласы, крики, надрывный женский смех, топот ног, даже звон стекла.

Клык тронул Бориса за локоть:

– Братца твоего я где-нибудь в уголке пристрою, чтоб глаза никому не мозолил. А ты давай со мной, в тренировочный зал. Переодевайся, разминайся, ну сам знаешь. Только учти, с тобой пока еще ничего не решено. Как Босс скажет, так и будет. Даст «добро», станешь сегодня

драться, ну а нет – отложим твоё свидание с судьбой до лучших времен. Кстати, о лучших временах. У тебя выпускной-то вечер когда? – Он оглянулся на Глеба. – В смысле, у вас.

– Послезавтра, – коротко доложил Борис, жадно вглядывавшийся в полуоткрытую дверь поодаль – оттуда несся тот самый гомон, и даже можно было разглядеть мелькавшие над возвышением ринга блестящие от пота торсы борцов.

Клык усмехнулся:

– Что, уже бьешь копытом, рвешься в бой? А если тебе сегодня личико-то разукрасят? Как на гулянку пойдешь?

– Подумаешь! – фыркнул Борис. – Ну припудрюсь. Или, – он тоже ухмыльнулся, – маску карнавальную напялю, вроде как для веселья.

– Маску Супермена? – подхватил шутку Глеб, но голос его звучал мрачновато.

– Буратино! – буркнул Борис, облизнув внезапно пересохшие губы.

– Ну смотри, физиономия твоя, – равнодушно согласился Клык. – А то еще не поздно назад отыграть.

– Назад только раки пятятся, – резко выдохнул Борис. Глаза его из-под нахмуренных сосредоточенно бровей глядели остро, чуть ли не зло. Ноздри слегка раздулись, чуя дыхание близкой схватки: резкий запах «адреналинового» пота, чуть разбавленный подвальной сыростью, алкогольными парами и табачным чадом. Запах настоящей – взрослой! – жизни, доселе запретной и недостижимой. Сегодня, сегодня он в нее шагнет. Да что там шагнет – окунется. Станет ее частью, нет, не частью – хозяином. Теперь это будет его собственная жизнь. И на пути к ней он разнесет в пыль любую помеху... Или его разнесут... Ну нет, этого не случится, не может случиться!

Кулаки его непроизвольно сжались, на плечах, руках, спине, шее прокатились в предвкушении схватки мускулы. В голове зашумело.

Эх, жалко, Аленка его сегодня не увидит! Хотя она, наверное, пришла бы в ужас, поэтому так даже лучше. Потом он просто поставит ее перед фактом. Свершившееся обсуждать бессмысленно и глупо. Тем более что он ведь не просто так – он зарабатывает, наконец, денег. Пусть с официальной точки зрения он еще пацан – ха, как же! Мальчишка от взрослого мужчины чем отличается? Тем, что сам решает проблемы. Он принесет кучу этих дурацких денег, и это сразу решит массу проблем. Первым делом – снять для них с Аленкой какое-нибудь жилье. Нельзя ей оставаться со своей семейкой – это ж не дом, это притон какой-то. И Борис, как полагается взрослому мужику, сможет наконец вытащить оттуда свою девушку. Потом... потом – родители. В первую очередь – мать. Можно будет прямо у нее спросить: сколько ты получаешь в своей конторе, где из тебя только что веревки не вяют? Сколько можно горбатиться на этих упырей? – он как будто слышал этот будущий диалог. И недоумение матери, и собственную уверенность: куда деваться, спрашиваешь? Для начала съезди в санаторий, отдохни. Вместе с отцом. На месяц, на два, на сколько нужно – не проблема. Ах на какие шиши? Пожалуйста, мамочка, вот, получи – все по-честному, заработанное. И костюм новый отцу купи, и себе чего-нибудь – деньги будут, я еще достану, не беспокойся.

Очнулся Борис от встревоженного братнина шепота:

– Ты чего, на ходу спишь? Ох, зря мы пришли, ты глянь, какие рожи, жуть, как в триллере каком-нибудь. Слуш, мож, пока не п-поздно, с-свалим от-тсюда? – Глеб от волнения даже заикаться начал, постукивая зубами, словно в ознобе. – И у тебя самого физия – брр. Как закаменел весь. И глаза стеклянные. Эй, братишка, ты...

– Не бойсь, – Борис растянул непослушные, точно резиновые губы в некое подобие ухмылки. – Вот увидишь, я их всех сделаю! Сделаю! Будет им небо в алмазах!.. А ты под руку не каркай, настрой мне не сбивай. Боишься, топай домой, не держу.

– Вот прям! Так я тебя, дурака, одного тут и оставляю! – Глеб слегка приободрился: оказывается, напугавший его стеклянный взгляд не просто так, а – настрой. Значит, братишка

знает, что делает, и мешать ему не стоит. Впрочем, его все равно не переубедишь. Глеб и сам был такой. Ну или почти такой. Семейная черта. Оба в отца пошли. Тот, как Ломоносов, в Москву пешком притопа. После детдома. Ему там направление в техникум по окончании восьмого класса выдали – типа вот твоя стезя, ползи и не рыпайся. А он рванул в большую жизнь. Добрался до столицы, а там не к бомжам подвальный прибил – подсобником на стройку. Спал в бытовке, потом угол в рабочем общежитии дали. В вечернюю школу пошел, затем в Строгановку. Там на такого абитуриента рты пораскрывали: сирота, лимитчик, после вечерней школы. Таких без блата только в тюрьму берут, а этот... А «этот», ко всему прочему, еще и чуть не всю Третьяковку в блокнотик перерисовал. Точнее, в одиннадцать альбомов. Вот и взяли. Поохали, поохали, но – взяли. Такой вот у них батяня – со стержнем внутри, как говорится. После, правда, он через стержень этот и жизнь свою наперекосяк своротил, но это уже к делу не относится.

– Ты пшикалку-то свою не забыл? – спросил вдруг Борис. – Здесь накурено, как в последней пивнушке, как бы астма тебя не скрутила.

– Ай, молодец! – Глеб сердито дернул плечом. – Вспомнил про брата. Вот вовремя! Про Аленьку не вспомнил? Что она скажет, когда...

– Тц-ц! – Борис шикнул, приостановившись. – Когда надо, узнает, а пока смотри у меня! Да не дрейфь, я в порядке. Это они... ну они еще не знают, кого в берлогу пускают...

Нет, в нем не было ни самоуверенности, ни дурного, от непонимания опасности, щенячьего задора. Он просто знал, что победит. И сегодня, и завтра, и когда угодно. Потому что так, как он, не может никто. Борис и сам не понимал, откуда в нем взялась эта странная способность, но, когда он дрался, время как будто растягивалось, все вокруг становилось, как в замедленной съемке. Вот противник делает обманный финт, вот выходит на удар... Противнику кажется, что его движения молниеносны, и, собственно, так оно и есть. Но для Бориса эта «стремительность» превращается в цепочку стоп-кадров: щелк-щелк-щелк – разложенный на стадии обманный нырок, щелк-щелк-щелк – медленный, как полумертвый замах, потом удар... Рука «летит» сквозь вязкий плотный воздух... но Бориса в точке удара уже нет! Ушел. И не просто ушел – перегруппировался и поймал соперника на встречный удар. Упс! И не успевший ничего понять бедолага, пытаясь сфокусировать расплывающийся взгляд, жадно хватаят ускользающий воздух.

Борис никому, даже Глебу, даже Аленьке, не рассказывал про свою странную способность. Боялся сглазить. Покопался, правда, в научных, спортивных и медицинских книжках, но так объяснения и не нашел. Попались, правда, описания нескольких похожих случаев, но что это за аномалия, откуда берется, и главное – насколько устойчива – этого ни спортивные, ни медицинские светила не объясняли.

Один такой спец предлагал что-то похожее на объяснение – про параллельные пространства: вроде бы человек движется сразу в нескольких «жизненных потоках», но осознает только один. Причем время в этих «потоках» (или мирах, Борис не очень понял) может идти с разной скоростью. По правде сказать, дальше Борис просто запутался в предлагаемой спецом теории, больно уж много в ней труднопроизносимых терминов было накручено. А может, он не так уж и старался разобраться – по той же причине, по которой никому ничего не рассказывал. Боялся спугнуть необъяснимый талант. Когда сороконожку из детской сказки спросили, откуда она знает, какой ногой шагать – она задумалась. И разучилась ходить.

Стать такой разучившейся ходить сороконожкой совсем не хотелось. Вдруг разобравшись в истоках «замедленной съемки», Борис утратит эту чудесную способность? Этого Борису совсем не хотелось. И он старался особо на этот счет не задумываться.

Единственное, что было любопытно – обладает ли сходной способностью Глеб? У них же все как в зеркале. Только одно зеркало вогнутое, другое выпуклое. Ну или как два автомобиля с разными рулями: у одного правый, у другого левый. Ездят вроде одинаково, но... Черт его

знает, как сказать, маршруты, что ли, разные? Глеб-то, он ведь все в небо поглядывает, как будто земли под ногами не чувствует. Борис же на земле плотно стоит, ему по-другому нельзя. Он боец: задерешь голову к облакам или там к звездам – бац, в открытый подбородок и прилетело. Так что звездами любоваться – это разве что перед сном, в тишине и безопасности...

Глава 3

Когда-то Клык был боксером. Вспоминать о спортивных успехах он не любил – должно быть, потому что до настоящих вершин так и не добрался. Не успел. Да, подавал большие надежды, да, сулили ему блестящее будущее, да, однажды дошел до финала пусть не мирового первенства, но почти столь же солидного международного турнира. И... после очередной травмы врачи объявили: следующее сотрясение мозга, даже самое легкое, будет последним. И пояснили более доходчиво: еще раз по голове получишь – либо помрешь, либо овощем станешь. Если бы не второй вариант, Клык, может, и не бросил бы ринг: смерть во время боя – не такая уж пугающая перспектива, боец он или кто? Но превратиться в овощ...

С ринга пришлось уйти. Хотя идти было особенно и некуда. Тренером? Кому нужен тот, кто еще не успел себя показать, кого никто еще не знает? Куда его возьмут? Разве что в какую-нибудь полудохлую школьную секцию – и крутись там на трехкопеечной зарплате, как знаешь.

Выручил Босс. Пожалел ли он подбитого на взлете бойца или еще что – Клык особо не задумывался. Администратор спортивного клуба – должность заманчивая для многих. А для такого, как он, которому и выбирать-то не из чего, – прямо манна небесная. И пусть «за кулисами» тренировочного зала скрывался подпольный бойцовский клуб – что ж? Значит, его новая должность еще внушительнее, чем казалось. Ну и доходы, само собой.

К доходам, впрочем, прилагалась и ответственность. Босса не интересовало, как Клык будет обеспечивать все необходимое. Зарплату получаешь? Вот и обеспечивай. За любую накладку приходилось отвечать собственным, что называется, карманом. Как сегодня, к примеру.

Не хотелось Клыку выставлять Бориса на настоящий бой, ох, не хотелось. На занятиях в дневной, легальной секции по рукопашному бою парень, конечно, показал себя прирожденным бойцом – таких махин на спаррингах клал, что о нем уже легенды начали ходить. Чутье у мальчишки – звериное. И неукротимость в схватке – тоже звериная. И азарт бойцовский налицо – прослышав о «второй стороне медали», чуть не каждый день умолял допустить его до подпольного ринга. Но молод, ох, молод, совсем пацан зеленый, только школу оканчивает.

Но... своя рубашка ближе к телу. На сегодня не хватало одного бойца. Точнее, на завтра, сегодня – прикидка, как водится. И бойцы-то были, но – чистое «мясо». Приличных – только двое. Если не найдется третьего бойца нужного уровня, придется отступные платить. Босс, разумеется, вычтет штраф из его, клыковской, зарплаты. Скверно было еще и то, что подбирать новых бойцов в обязанности Клыка не входило, этим обычно занимался Босс. Но, если дело дойдет до штрафных санкций, он ведь не вспомнит, что это его собственное упущение, на Клыке отыграется. И грызи потом сухари. Может и вовсе коленом под зад. Босс любил Клыку напоминать о своем благодеянии – как же, взял на работу практически инвалида – и частенько повторял, что незаменимых нет. Желающих на это место навалом. Впрочем, выкинуть Клыка на улицу он может и за «излишнюю самостоятельность».

В общем, куда ни кинь, всюду клин. Будь что будет, решил Клык. Его дело – предложить, а Босс пусть решает...

Входов в клубе, занимавшем целый подвал жилого дома, имелось три. Официальный – с вывеской «Дружба», невзрачная ржавая дверь, за которой располагался подпольный бойцовский клуб, и третий, самый секретный, в одном из подъездов, на первый взгляд ни к каким боям и тренировкам вовсе не относящийся. Но именно эта дверь, о которой знали считанные единицы, вела в кабинет Босса. Массивная, бронированная, без намека на кнопку звонка, она открывалась только на условный стук.

Когда после дробного «та-ти-та-та-ти-та-та» дверь отворилась, на Клыка пахнуло тяжелым духом афганской травки. Да и взгляд стоявшего в проеме Босса был несколько стеклянным.

«Ох, погорю я с таким начальником, – озабоченно подумал Клык. – Совсем шеф опаску потерял. Не то обнаглел, не то последние мозги прокурил». За подпольные бои без правил их вроде не трогают, должно быть, кто-то «сверху» прикрывает. За соответствующую мзду, разумеется. Но наркоконтроль – это ведь совсем другая контора. А ну как кто-то из соседей учует и настучит? Нет, сам-то Босс отмажется, не вопрос. У него и денег куры не клюют, и приятелей в погонах наверняка целая дивизия, вот он и наглеет. Но наркополицией кого-то ведь взять нужно? Виноват не виноват – был сигнал, надобно отреагировать. Как там в народе говорится? Разберусь с кем надо и накажу кого попало? Вряд ли Босс за Клыка заступится. А у самого Клыка – ни денег таких, ни знакомств нужных. Только ворон да змея, вот и вся моя семья, вздохнул он.

– Ну и долго я должен любоваться, как ты глазами хлопаешь? – Босс постучал толстым пальцем по циферблату часов, поднося их к самому носу Клыка.

С виду часы выглядели дорожным «Ролексом», но Клык знал, что это китайская дешевка. Смешно, думал он иногда: денег куры не клюют, а часы – тьфу, копеечная подделка. Хотя, может, у Босса и настоящие есть, только не носит – боится, что снимут или еще что. Черт его разберет, у богатых свои причуды. Вообще-то свои причуды есть у всех, но у тех, что победнее, чудачества бывают какие-то человеческие, что ли. Забавные, даже милые. А у Босса... Клыка иногда так и подмывало заехать шефу со всей дури левым боковым в челюсть – когда-то был фирменный его удар. За что и прозвище получил: кое-кто из противников зубы после этого удара на ковер выплевывал. А теперь... Ладно, Клык, терпи! В каждой бочке меда есть свой деготь. Если тут не нравится, куда идти? Охранником в супермаркет, пьянчужек гонять? Да еще вопрос, возьмут ли «травмированного».

– Там парень один пришел, – начал говорить он, – из секции нашей. Живет он тут неподалеку...

Но Босс его перебил:

– Я при чем? Пусть платит за вход и любит, сколько угодно. Или ему, как одному из секции, скидку хочется?

– Да нет, тут другое, – помотал головой Клык. – Он не поглядеть, он драться хочет. И боец реальный... Может, попробуем его сегодня?

Босс скептически хмыкнул:

– Ты, никак, решил включиться в подбор новых бойцов? Надо же, какая вдруг инициатива! – радушию его улыбки могла бы позавидовать акула. – Я-то грешным делом считал, что их я покупаю...

Ох черт, подумал Клык. Ведь не дослушает и уволит. Посагательства на свои полномочия не простит. Нет, теперь уж деваться некуда, надо до него достучаться. Пусть и стеклянные глаза, а может, дойдет?

– Босс... я бы не дергался. Но... На субботние бои нам троих выставить положено, а у нас приличных бойцов только двое осталось. Кто в больничке, кто дома отлеживается, а кто и вовсе... Остальные – чистое «мясо». Я на прошлой неделе докладывал, ты сказал, что решишь...

– Н-да? – Босс нахмурился, припоминая. – Да, было. Черт, совсем из головы вон. Закопался я тут в делах, – он пожевал губами, пытаясь собрать в кучу расползающиеся мысли.

Ох, похоже, он не только травкой балуется, сокрушенно подумал Клык, совсем с мозгами плохо стало.

– Ну так чего? Попробуем парня? Если нормально сегодня пройдет, будет на завтра третий боец. И нет проблем...

– Ладно, – хмыкнул Босс уже более добродушно. – Пойдем поглядим, что за фрукт у тебя в секции созрел! – он хохотнул над собственной шуткой. – Ща переоденусь, и глянем.

В последнее время дела в бойцовском клубе шли хуже, чем всегда. Это ведь не кружок кройки и шитья, где раз начал, дальше все по накату движется. Бои без правил – дело непростое. Ну и опасное. В первую очередь, конечно, для самих бойцов. Люди-то посмотреть приходят такие, для которых обычный бокс или самбо пресными кажутся, тутошним зрителям реальную «жесть» подавай. За это и деньги платят. И за вход, и тем более на тотализаторе – кто кого «порвет, как тузик грелку». Нет, до смертельных исходов, понятно, стараются не доводить – чересчур проблемно. Однако ж травмы случаются куда чаще и серьезнее, чем в официальном спорте. Лучшие бойцы Босса за последние месяцы повыводили из строя – кто-то надолго, а кто и навсегда. А новых не только найти надо – еще и доучить, и обкатать мало-помалу. Вся эта карусель – не на один день. Этим же заниматься нужно. Босс раньше и занимался. Теперь же все больше погружается в совсем другой, не бойцовский промысел.

– Пошли! – скомандовал вернувшийся Босс.

Вместо растянутой футболки с такими же штанами на нем теперь красовался строгий дорогой костюм с белой рубашкой. Образ «настоящего хозяина» дополняли галстук (Босс хвастался, что «ручной работы») и велюровая шляпа.

Велюровая шляпа в летнюю жару – это сильно, хмыкнул мысленно Клык, отметив и то, что костюмчик нуждается в чистке, да и рубашку явно уже надевали. Впрочем, его это не особенно беспокоило. Босс есть Босс. Пусть хоть в ушанке ходит, если ему не жарко.

Особой жары в зале и впрямь не было. В пятницу всегда так: и опоясывающие ринг самодельные трибуны полупусты, и на нависающем над ними узеньком балкончике для публики попроще почти никого. При «аншлаге» здесь помещалось до сотни человек, но «аншлаг» бывает, когда бои посерьезнее. А в пятницу так, разминка перед субботой. Ставки невысокие, зрители чуть не зевают от скуки.

Ну еще бы, хмыкнул мысленно Клык, бросив на ринг оценивающий взгляд – под такое зрелище только засыпать. Результат подходящей к завершению схватки, правда, непредсказуем. Но не оттого, что бойцы неординарные, скорее наоборот. Никакие. Оба уже в полубессознательном состоянии, ни атак, ни финтов, ничего. Даже о защите уже почти не заботятся. Тупо молотят друг друга – две мясорубки, и ничего больше. Осталось только дожидаться, кто первым рухнет.

Соскучившиеся зрители посвистывали, кое-кто пытался подбодрить соперников криками, но тщетно – те, скорее всего, уже ничего не слышали. Даже ногами переступали еле-еле, так вымотал их поединок.

Взглянув на это унылое действо, Босс взъярился:

– Тьфу! Так себя дать изувечить за три копейки! Впрочем, они и этих-то денег не стоят! Мясо! Каждый бычара ведь уверен, что он круче всех! – Он повернулся к Клыку. – Думает, махнет разок-другой со всей дури – и готово, любого снесет. Сила есть, ума не надо. А на самом-то деле сила без ума – ничто. К ней еще и мастерство требуется. И хитрость. И сообразительность. И выдержка. Да много чего еще, – брезгливо поморщившись, Босс сплюнул. – Слышь, Клык?

– Да, Босс? – Клык слушал разглагольствования хозяина с некоторым удовольствием – значит, есть там еще мозги, есть, не все так плохо.

– Чтоб этих зомби я у нас больше не видел. Рассчитай и сплавь куда-нибудь. Тьфу! Смотреть на них тошно. Кто в следующем бое?

– Двое против Мухтара. Гастролеры.

– Не поломают? – обеспокоенно осведомился Босс.

– Не, – Клык пренебрежительно сморщился. – Они тяжеленные, каждый под сто кило, двигаются еле-еле. Ногами практически не работают. Я ж говорю, борцы. А борцы – не бойцы. Тормоза.

Босс было расслабился, но тут же в его голову пришла «ценная» мысль:

– Ты пойдی тогда, шепни Мухтару, чтоб подольше их погонял. Пусть народ хоть немного развеселит. А то публика уже зевает со скуки. Так и клиентов недолго растерять. Решат, что у нас тут сонное царство и смотреть не на что... А, ну да, новичок-то твой где?

Клык повел плечом:

– В качалке, разминается. Позвать?

Босс покачал головой:

– Сам загляну. Попозже. Пока кое с кем из гостей поздороваться надо.

Пятница – день скучный, серьезных людей среди публики увидишь редко. Да почти никогда. Но сегодня на полупустых трибунах мелькнуло лицо, которое Босс знал очень хорошо – век бы его не видеть. Сидел, как обычный зритель – кажется, только сам Босс и знал, что это за птица.

Звали «птицу» безлично – Полковник. Все, похоже, считали это кличкой, но Босс не только был уверен, что это действительно звание, но и подозревал, что на самом деле визитер давно уже в чинах куда повыше. Хотя из себя невидный, второй раз не взглянешь. Одет Полковник всегда был скромно, непритязательно. Лицо как будто размытое, незапоминающееся. И – абсолютно бесстрастное. Из тех, что называют лицом игрока в покер – ни одной эмоции на нем не отражалось. Как, собственно, и положено сотруднику организации, о делах которой никто толком не знает – только слухи ходят. О делах же подразделения, которым руководил Полковник, даже в самых высоких инстанциях знали, что называется, три с половиной человека. Да и не только о делах – о самом существовании подразделения. Так и не поймешь, кто они, эти парни, – разведчики, контрразведчики, шпионы, диверсанты или еще кто. Сотрудники силовых структур – вот и все, что о них можно было сказать. Хотя по документам они, скорее всего, числились абсолютно мирными гражданами.

Из любопытства Босс пытался пробить номер автомобиля, на котором приезжал Полковник. По милицейской базе – не по общедоступной гражданской. И получил – ноль. Машины с таким номером в природе не существовало, вот и весь сказ. Нет, автоинспекторам-то они, конечно, известны: как увидят, так закуривают равнодушно – вроде как на пустое место глядят – или просто отворачиваются.

Зачем Полковник ходил в клуб, Боссу было известно на собственном печальном опыте. Одного из лучших бойцов он так недосчитался. Хороший парень был, перспективный, денег на нем можно было срубить – ой-ой-ой сколько. Полковник с ним две минутки поговорил – и приветик, нет парня, как и не было. Друзья и родственники только плечами пожимали: собрался в одночасье и убыл в неизвестном направлении. Босс тогда как бы между делом спросил, не знает ли Полковник – ну чисто случайно, – куда парнишка подевался. Очень уж обидно ему было ценного работника вот так терять. А Полковник только бросил коротко: «Забудь». И не было в этом коротком негромком словечке ни угрозы, ни нажима, ничего такого, но Босс моментально перестал жалеть об утраченных прибылях. Не до прибылей – самому бы целому остаться. Ему дышать вдруг стало как будто нечем. Ну вот как будто потолок на тебя опускается. Будешь рыпаться – от тебя мокрое место останется, смолчишь – может, и обойдется.

Наученный горьким опытом, Босс начал лихорадочно соображать: а сегодня-то Полковника чего принесло? Кто ему понадобился? Мухтар? Да ну, бред. Мухтар – боец, конечно, исключительный, но ведь полный псих. Такие от замороженные только на бои без правил и годятся, «им» такие точно не нужны. Кому «им», Босс представлял смутно, но не пытался уточнять – себе дороже. Нет, Мухтар там точно не в кассу. Да и видел его Полковник не один

раз. Кто-то еще? Но остальные сегодняшние бойцы – чистое мясо, которое держат про запас, для разогрева публики. А если больше никого, то...

Неужели Полковник явился взглянуть на того молокососа, которого Клык притащил? Нет, может, тот и впрямь боец, но откуда Полковник-то узнал? Если и владельцу клуба о юном даровании пять минут назад сообщили. Вот работает «контора»! Это значит, еще и в легальную секцию кто-то заглядывает, молодые таланты высматривает. Босс прошелся туда-сюда по узкому проходу за последним рядом трибун, поймал себя на желании съездить кулаком по грязной стене. Черт, черт, черт! Что творится, в самом-то деле? От приятного благодушия, привычно туманящего голову после порции травки, не осталось и следа. Какое уж тут благодушие! При таком раскладе и пожилая черепаха занервничает.

Босс начал потихоньку закипать. Ладно, думал он, служивый человек, надо бы нам с тобой все-таки разобраться по понятиям. У тебя служба – у меня бизнес. Надо поделить сферы влияния. А то что ж получается, так и будешь у меня лучших бойцов отбирать? А мне с кем прикажете работать? С такими вот обмылками? Он с ненавистью взглянул в сторону ринга, где все еще вяло молотили друг друга тупые «мясорубки», поискал глазами среди публики. Полковник сидел совсем неподалеку.

Босс протянул ему руку:

– Здравия желаю! – и кивнул на пустое соседнее кресло. – Я присяду?

Тот в ответ сухо кивнул, как бы не замечая протянутой руки.

Босс почувствовал, что вся его решимость испарилась:

– Только один вопрос, ничего?

Полковник наконец взглянул в его сторону, усмехнулся:

– Ну валяй.

– Снова кого-то приметил? – нашарив в кармане платок, Босс вытер лицо. «Вот ведь зверь, – мелькнуло в голове, – ничего еще не сказал, а меня уже в пот бросило».

Его собеседник только молча повел плечом – мол, понимай как знаешь.

– А после я опять лучшего бойца недосчитаюсь? – настаивал Босс, раздираемый двумя противоречивыми чувствами: неукротимой злостью на Полковника и безотчетным страхом, от которого холодело в животе, а колени становились ватными.

– Это уже вопрос номер два, – усмехнулся Полковник. – Но я отвечу. – Он чуть склонился к Боссу и тихо, но очень отчетливо проговорил: – Ты меня не знаешь и никогда здесь не видел. Это все... И с травой поаккуратнее все-таки, – откинувшись назад, добавил он. – Ты тут все-таки на работе. Мухи отдельно, котлеты отдельно, не забывай. Свободен!

Босс хотел было бросить в ответ что-нибудь резкое – он же «по понятиям поговорить» подошел, а с ним, как с пацаном на побегушках, – но язык не слушался. И воздуха вдруг стало не хватать. Как будто на шее защелкнули тяжеленный железный ошейник и стягивают его все туже и туже. Едва найдя в себе силы встать, владелец боксерского клуба потащился прочь. Ноги слушались плохо, пот заливал лицо, но платок куда-то делся.

Кто-то крепко взял его под руку:

– Подышать! Надо воздухом подышать! Сейчас подышим! – приговаривал, ведя его к выходу, незнакомый молодой парень. Голос звучал глухо, как сквозь вату, и чем-то очень напоминал голос Полковника.

– Ты кто? – тупо поинтересовался Босс, едва ворочая языком.

– Я-то? Да никто, – все так же невыразительно сообщил парень. – Мимо проходил, воды зашел попить. Сейчас подышим, все хорошо будет.

Спустя некоторое время – может, две минуты, а может, и два часа – Босс обнаружил себя сидящим на табуретке возле входа в клуб. Рядом с озабоченным видом топтался охранник, бессмысленно махая мокрым полотенцем.

– Полковник там? – выхватив полотенце, Босс прижал его к лицу. Стало чуть легче.

– К-какой полковник? – еще сильнее засуетился охранник. – Вы же сами приказывали, если кто в форме, ни под каким видом не пускать. Ну дык мы... это... бдим. Откуда у нас полковникам взяться?

– Мы – бздим! – передразнил Босс. – Воды мне принеси!

– Моментом!

Парень ринулся было внутрь, но Босс остановил его окриком:

– Стой! Это... вот что... Текилы мне принеси стакан. И чтоб холодной!

Охранник исчез в подвале.

Машины, на которой обычно приезжал Полковник, на парковке не было. Ушел? Примерещился? Да ну, такой, пожалуй, примерещится... Мысли в голове двигались тяжело, со скрипом, как по ржавчине. Ничего, сейчас текилы – и полегчает. Ладно, поглядим, как дальше пойдет. Если Полковник еще одного бойца заберет, надо будет что-то предпринимать. Хотя что – непонятно. Афганцам пожаловаться? Не будут с ним афганцы связываться. С Филиппом посоветоваться? Раз он – смотрящий по городу, вот пусть и смотрит, чтоб бизнес Босса гладко шел. Хотя Филипп за просто так в сторону Босса даже не взглянет. Может, не связываться? Вот же головная боль от этих чекистов или кто они там. Ловили бы шпионов своих, так нет, непременно им везде свой хитрый нос сунуть надо, сливочки снять. Да где же текила, блин?!

Глава 4

– Нет, ну ты посмотри! Ведь русским по белому этим дурам на последней примерке талдычила, что слишком свободно, прямо мешок какой-то! Они ж поклялись, что уберут лишнее. А где? – Наташа повернулась туда-сюда перед зеркальной дверцей платяного шкафа. – Тут сантиметра два лишних! Если не все три...

Алена отрешенно почесывала урчавшего у нее на коленях Наташкиного кота, не слишком вслушиваясь в стенания подруги. Ясно же, что платье – чудо, а Наташка цепляется к чему попало, беспокоясь, что на выпускном кто-нибудь может оказаться красивее. Вот выдумала себе проблему, ей-богу.

– Да нормально все, – бросила она в распахнутую балконную дверь, за которой то появлялась, то пропадала скачущая перед зеркалом Наташа.

– Да ты не смотришь! – возмутилась та. – Вылези с лоджии хотя бы!

– Мне и так все видно. Отличное платье получилось, Анька из параллельного все локти от зависти обкусает.

– Ага, обкусает, – жалобно протянула Наташа. – Нет, ну чего ты там засела-то? Чего убиваешься? Позвони уже своему драгоценному Боречке и не переживай! Вот, на, – на лоджию высунулась рука с мобильником. – Мой телефон возьми и позвони, – следом за рукой появилась и вся Наташа.

Кот Мартышкин, дернув ухом, приоткрыл в сторону хозяйки один глаз – чего, мол, пришла? Если чего вкусненького, то давай, а нет – не мешай, меня тут чешут, гладят и вообще.

Алена покачала головой:

– Да нет, не в этом дело. Он, когда на тренировке, мобильный дома оставляет или отключает. Чтобы звонками не отвлекали. Ладно, пустяки все. Сейчас платье до ума доведем, раз уж тебе кажется, что широко, и пойду я, – улыбнувшись, она чуть прикрыла глаза, подставляя лицо задувающему на лоджию ветерку. От осязаемого цветочного запаха – не то с приподъездных клумб, не то с соседних балконов – почему-то хотелось плакать. А это, само собой, никуда не годится.

За свои семнадцать лет Алена уже успела запомнить: плачь не плачь, никто тебе помогать не кинется, все твои беды и несчастья с тобой и останутся. Потому что сытый голодного не разумеет. Вон Наташка – и добрая вроде, и равнодушная. Но разве она может понять? У нее проблема – портнихи лишние два сантиметра в талии платья оставили. А когда твои собственные родители тебя – под дых? По крохам удалось накопить на материал для выпускного платья, сшила Алена сама, очень красиво вышло, а они... нет, плакать она ни за что не будет... взяли и продали. И мобильник – тоже загнали. Ну как же! Трубы горят, на бутылку не хватает! Нет, плакать нельзя. Что толку плакать? Еще и Борьке что-то врать придется... Борька... Плакать сразу расхотелось. Повезло ей в жизни – она встретила своего Единственного. Самое главное счастье свое. Так чего расстраиваться из-за того, что остальная жизнь не такая... счастливая? Плохо, что ему о своих огорчениях не поплачешься. Он вспыльчивый, резкий, при этом – совсем еще мальчишка. Мальчишка, который из всех сил старается побыстрее стать взрослым, а значит – помужски решать все возникающие проблемы. Если он узнает, что трясущиеся ручонки ее родителей дотянулись до ее выпускного платья и телефона – ох. Разнесет же в пыль всю их насквозь пропитую берлогу, которую домом и язык не поворачивается называть. Нет, ему нельзя говорить. Придется что-то выдумывать, врать – а врать Борьке так тяжело...

Алена вздохнула:

– Давай, надевай свой мешок наизнанку, сейчас заколем, чего там у тебя слишком свободно, застрочу по-быстрому, и все нормуль будет. Хватит сидеть, идти пора.

– Куда? – всполошилась Наташа. – Куда ты сейчас пойдешь? К своим? Ноль-два позвонить? Соседи и без тебя вызовут. Если уже не вызвали. Хотя толку-то конюшню запирают, когда лошадь свели... Как же ты так лопухнулась-то? Почему платье у меня не оставила? Лежало бы себе... А, ладно, чего теперь. Тебе и так несладко, – она с грохотом открыла швейную машинку. – Чтоб я никаких «я пойду» больше не слышала. Сиди у нас и не пищи. Скоро мать с отцом придут, ужинать будем. Ночуешь сегодня у нас. Так, что ли? – переодев платье швами наружу, она встала перед подругой.

Алена молча и споро заколола булавками «лишнее», осторожно стянула с Наташи платье, застучала машинкой. Подруга только головой восхищенно мотала, наблюдая, как ловко летают над нежным полотном тонкие Аленины пальчики. Ловкие-то они ловкие, только вот в порядок их в последний раз приводили леший знает когда. Может, две недели назад, а может, и все два месяца.

Нахмурившись, она вышла в соседнюю комнату – чтоб не смущать подругу – потыкала в кнопки телефона, вызвала на дом маникюршу.

– Срочно, пожалуйста! Да-да, прямо сейчас. Или в крайнем случае завтра с утра. И завтра же с утра голову надо будет сделать. Точнее, две головы – одна моя, вторая подруги. Обе безбашенные, – она хохотнула, хотя на душе было мрачновато. Ну ладно, хоть чем-то Алене она поможет.

– Иди мерить! – позвала та. – Талию я забрала, надо посмотреть, не тянут ли теперь подмышки...

К приходу Наташиных родителей готовое, уже отглаженное платье гордо висело на полуоткрытой дверце гардероба. Поздоровавшись, Алена опять кинулась было бежать:

– Наташ, ну пойми, позарез! Он же с тренировки ко мне обязательно зайдет. А там... сама знаешь. Ну и начнет разбор полетов...

– Леночка, что же это вы нас покидаете? – Наташина мама, Екатерина Борисовна, сбросив туфли, улыбнулась устало, но весело, даже как будто заговорщицки. – А мы-то с Тошей всяких вкусностей принесли. Я даже сказала бы, приволокли. Как верблюды, честное слово! С рынка в универсам, оттуда – в кондитерский, потом опять на рынок, потому что еще всякое вспомнили. Еле живые, я ног не чувю. Вас порадовать-побаловать хотели. Ваш-то директор, Марат Измайлович наш милейший, когда я ему позвонила, только что «Слався, слався» про вас не пел – доволен, как не знаю кто. Говорит, наша школа в этом году по медалям первой в городе будет, в крайнем случае – второй. Ну а ему как директору от гороно и прочего начальства – почет и уважение. Спрашивал, какой вам подарок сделать.

– И ты, мамуля, посоветовала подарить нам жидкость для снятия лака? – съязвила Наташа.

– Вот за такие твои грубые шутки я не скажу, что ему посоветовала, – парировала Екатерина Борисовна.

– И на что, кстати, он не только согласился, но еще и благодарил за подсказку, – уточнил Наташин отец. – Ты куда бежать-то собралась, Аленушка? Что-то где-то горит?

Алена кивнула, вздохнув. От приветливости Наташиных родителей вдруг ком к горлу подкатил – так разительно это отличалось от привычных грубостей, как бы их помягче назвать, собственных предков.

– Бориса с тренировки бежит встречать, боится, что потеряется он, ах, бедный мальчик, – ехидно сообщила Наталья. – Он, видите ли, мобильник то ли отключает, то ли дома оставляет, чтоб ничто не отвлекало от движения к высотам спортивных достижений.

– Так-так-так! Ну-ка, разлюбезная моя, прекрати уже вредничать, – осадил дочь Антон Дмитриевич. – Дело-то простое. Алена, он ведь в «Дружбе» тренируется?

Девушка опять кивнула.

– Значит, сейчас мы просто позвоним в секцию и попросим, чтобы его предупредили. Ну чтобы он не к тебе домой после тренировки пришел, а к нам. По-моему, очень разумно. Тем более что после своих спортивных битв он будет голодный, как волк в конце зимы. Мы-то с Катюшей нынче с закупками что-то перестарались, как на роту запасли. Так что лишний голодный гость окажется очень кстати. Катя! – он подмигнул жене. – Там, в этой «Дружбе», одни мужики, а у тебя такой ангельский голос. Тебе и звонить, согласна? Тебе не посмеют отказать.

– Ох, подлиза! – засмеялась Екатерина Борисовна. – И это при детях! – Она шутливо шлепнула мужа по спине. – Алена, телефон клуба?

Та растерянно покачала головой:

– Я... не знаю.

– Ну не беда! – Екатерину Борисовну это затруднение ничуть не обескуражило. – Ната, давай быстренько ныряй в интернет, найди телефон, потом к нам на кухню. Мы пока богатства будем раскладывать. Кстати, девочки, на ваш выпускной мы заказали такие торты! Я плакала от зависти! Аленушка, разувайся быстренько, никуда мы тебя не отпустим. Антон, чего застыл, как египетская пирамида? Видишь, дети голодные целый день. Я по их тоскливым взорам и вздрагивающим носикам понимаю, что они готовы пихать в себя еду прямо с пакетами. Да, кстати о пакетах. Натусь, как, платье забрали? Все в порядке?

Алена прикусила губу. Не специально, нет. Обычная реплика про платье как плетью стегнула, напомнив то, что девушка заталкивала в самый дальний уголок сознания – что толку рыдать над сбежавшим молоком! Одна предательская слезинка, кажется, все-таки выскользнула...

– Та-ак. – Понятливый Антон Дмитриевич обвел всех взглядом. – Я пошел разгружать пакеты, дальше вы тут без меня. Жду всех на кухне, будем ужинать.

Екатерина Борисовна строго посмотрела на дочь:

– Кто-то, кажется, должен был найти телефон клуба?

Фыркнув, Наташа удалилась.

– Алена, – Екатерина Борисовна вздохнула. – Я знаю, что ты гордая и из тебя клещами лишнего словечка не вытянешь. Ладно, твое право. Тем более ты теперь взрослая. Почти, – устало опустившись в кресло, она потянула девушку за руку, усаживая ее рядом с собой. – Но ты же понимаешь, я Натку прижму, она все выложит. Или давай опустим подробности, просто скажи, чем мы можем помочь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.